

В погонах за веком

Филиппо Томмазо Маринетти
в венском Кунстфоруме

Коммерсантъ - 2003 - июль - с. 13.

выставка футуризм

Золотой поре футуризма, его жизни в 1910–1918 годах, посвящена большая выставка в венском Кунстфоруме. Фигуру основателя движения, миллионера, литератора и милитариста Филиппо Томмазо Маринетти, специально для „Ъ“ изучал в австрийской столице корреспондент «Домового» АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ.

Когда в 1912 году Филиппо Томмазо Маринетти задумал организовать передвижную выставку футуристов по Европе, футуризм был уже широко известен, но все еще не очень популярен. Его тексты и манифесты все еще опережали конкретные художественные явления.

Успех турне был ошеломительный. Отбоя от зрителей не было ни в Берлине, ни в Лондоне, под натиском футуристов пали и Париж, и Лейпциг. Москва и Петербург сопротивлялись, но вяло — у нас уже были свои кубофутуристы. Маринетти использовал стратегию активной рекламы, начатую в 1909 году публикацией первого манифеста футуризма на первой полосе Figaro. В Берлине, например, он лично разбрасывал по улицам тысячи листовок из проезжавшего автомобиля.

Нынешняя выставка в венском Кунстфоруме пытается воссоздать дух той передвижной выставки. О реконструкции речь не идет — многие из 200 представленных экспонатов созданы уже в период первой мировой войны. Кураторы ограничились периодом 1910–1918 годов, сосредоточившись на первом этапе в жизни футуризма, когда он еще не был политически ангажирован, а просто заявлял себя как часть нового мира, сотканного из шума машин и невиданных ранее скоростей, непривычных звуков и торжества техники.

Многие объясняли этот технократический пафос общей отсталостью Италии в начале XX века. В техническом отношении страна только вступала во вторую индустриальную революцию, в художественном — все еще пребывала на задворках постимпрессионизма.

Отсталость оказалась прогрессивным фактором. Она позволила не только произвести всеобщую инвентаризацию искусств (на подведение итогов потребовалось, в общем-то, минимум времени: инвентаризовать было особо нечего), но и задать новые горизонты практически во всех сферах изящного.

Сперва к литературно-абстрактному манифесту Маринетти присоединились художники, затем был найден архитектор, позже настала очередь и театра, и музыки. В итоге публике и впрямь явили принципиально другой взгляд на мир —

целостный, возникший не путем естественного развития, как стили прежних веков, но исключительно усилием мысли, то есть донельзя идеологизированный и концептуальный.

Едва ли не главным словом в лексиконе самого Маринетти было «национальный», «национализм», и он боготворил его на протяжении всей жизни. Впрочем, для современников он был далеко не единственным глашатаем новых мыслей. Хотя характер Маринетти и не был столь диктаторски-истеричен, как характер Анри Бретона, нешуточно перепахавшего сюрреализм своими выходками, именно Маринетти остался главным персонажем футуризма в сознании потомков. Благодаря ему словарный запас революционеров всех стран пополнился, в частности, термином «вечно вчерашние» — *passatista*, — впервые примененным, впрочем, по отношению к милой старушке Венеции, городу, безнадежно отставшему от урбанизации уже столетие назад.

Милитаризм не в моде ныне, и потому в Вене показывают безусловные художественные, а не сомнительные политические достижения футуристов, причем только итальянских — вроде эскизов Фортунато Деперо к балету Стравинского «Песни Соловья» или архитектурных фантазий Антонио Сант-Элиа, и сегодня (будь они осуществлены) сделавших бы честь какому-нибудь нью-йоркскому ландшафту. Есть на выставке и образцы тканей, придуманных футуристами, и даже музыкальные инструменты, специально изобретенные ими для передачи звуков большого города, наполненного и напоенного новой техникой.

Футуризм пригодился в России, взявшей у Маринетти и культ машины, и культ революционного насилия, — недаром опубликованный в 1910 году текст Маринетти назывался «Война, единственная гигиена мира». Да и сам творец нового течения был хорошим стрелком, писал восторженные репортажи с военных фронтов и не испытывал гуманистического трепета перед насильственной смертью. Его портрет в расшитом золотом мундире члена Итальянской академии напоминает портрет иного наполеоновского маршала. Уже будучи стариком, отправился на войну в Эфиопию, а в 1942-м записался добровольцем.

Умереть ему привелось в собственной постели в окружении семьи в доме на озере Комо. Смерть же выпестованного им движения наступила гораздо раньше, когда стало понятно, что оно многое сумело предвидеть в ближайшем будущем, но ничего — изменить.

Маринетти со своей женой Бенедеттой Каппа Маринетти, с которой он вступил в брак вскоре после публикации манифеста «Против брака»